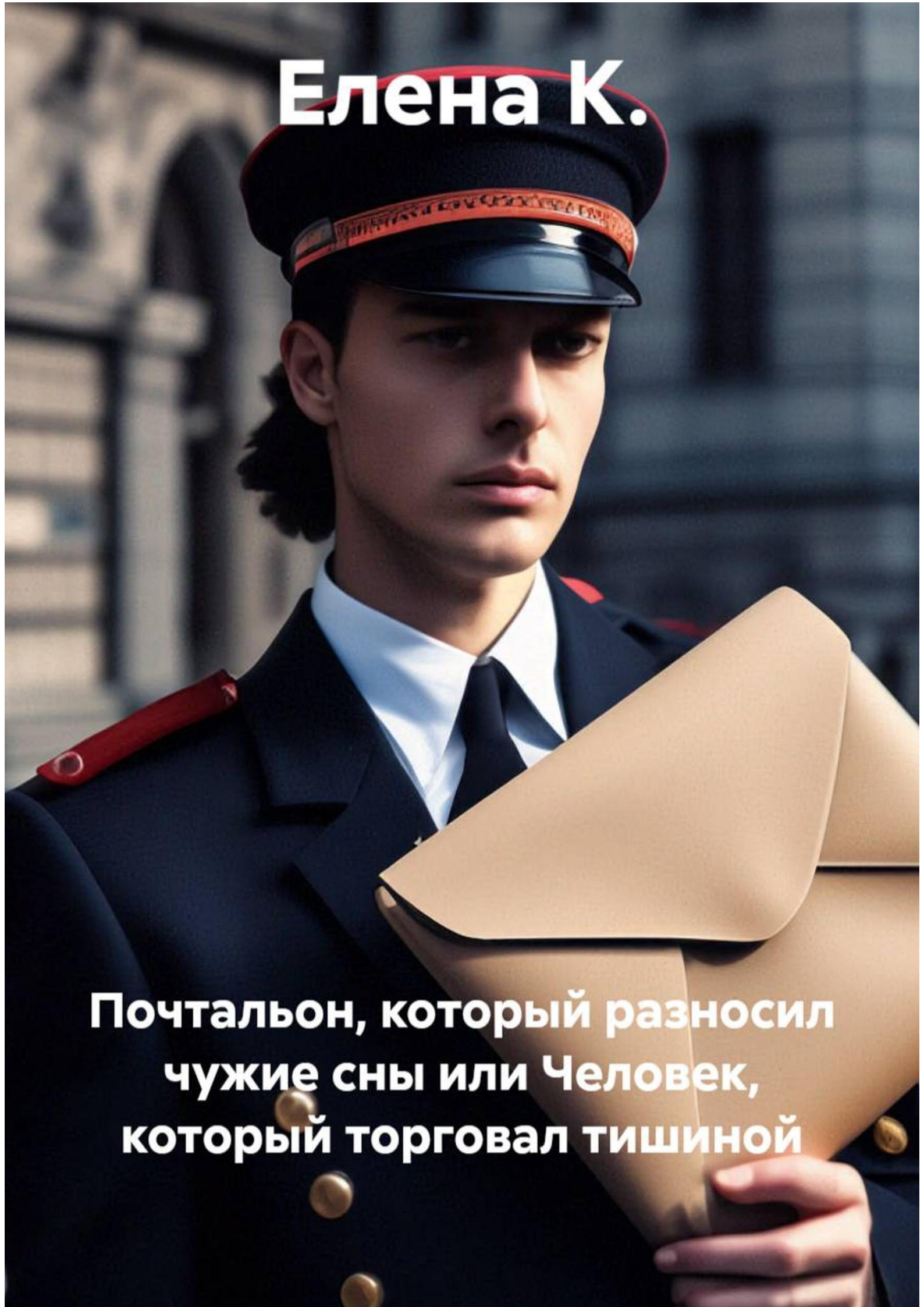

Елена К.

**Почтальон, который разносил
чужие сны или Человек,
который торговал тишиной**

Елена К.

**Почтальон, который разносил
чужие сны или Человек,
который торговал тишиной**

«Автор»

2026

К. Е.

Почтальон, который разносил чужие сны или Человек, который торговал тишиной / Е. К. — «Автор», 2026

Трогательная, уютная история о том, как в шумном городе двое друзей создают особое пространство. Когда в городе на сутки отключают все искусственные звуки, выясняется: тишина может быть живой. Книга наполнена бытовыми деталями, лёгкой самоиронией героя и тихой магией повседневности. Это история о том, что иногда самое ценное — не громкие слова, а умение слушать. Для тех, кто устал от шума и хочет найти уголок, где можно выдохнуть и снова почувствовать мир.

Содержание

Все Главы	5
Глава 1. «Сон, который пришёл не по адресу»	6
Глава 2. «Человек, который хотел, чтобы все спали спокойно»	8
Глава 3. «Те, кто прячет сны в мелочах»	11
Глава 4. «Как город прячет сны в обычных вещах»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена К.
Почтальон, который разносил чужие сны
или Человек, который торговал тишиной

Все Главы

Глава 1. «Сон, который пришёл не по адресу»

Город просыпался не от криков чаек и не от гудков машин — он просыпался от запаха мокрого асфальта и чужих снов. Они падали вместе с дождём, оседали на козырьках подъездов, прилипали к подошвам и потом весь день шептали людям что-то на ухо, так тихо, что казалось — это просто ветер.

Марк знал этот город по звукам. Он знал, где в пять утра начинает ворчать вентиляция в старой пекарне, где ровно в полдень звенит трамвайный провод, а где в полночь щёлкает замок в подъезде, будто кто-то проверяет, всё ли на месте. Марк знал это, потому что он был почтальоном. Не обычным, а тем, кто разносил не письма и не посылки, а сны.

И сегодня ему принесли сон, который был ему не нужен.

Он появился на почте в картонной коробке без адреса. На крышке кто-то вывел карандашом: «Срочно. Не вскрывать. Доставить до рассвета». Марк хмыкнул. На почте всегда пишут «срочно», даже если внутри лежит открытка с котиком. Но эта коробка была странной: она не стояла на столе, а чуть покачивалась, будто внутри кто-то ворочался. И от неё пахло не картоном, а старым кинотеатром — пылью, попкорном и чем-то горьким, как недопитый кофе.

Когда Марк взял коробку, она тихо вздохнула.

— Ну-ну, — пробормотал он, стараясь говорить буднично, будто каждый день носит коробки, которые дышат. — Спокойно. Я доставлю.

На бланке не было ни адреса, ни имени. Только одна строчка: «Тот, кто не спит».

Марк фыркнул. В этом городе таких половина.

Он сунул коробку под куртку, чтобы она не мокла под морозящим дождём, и вышел на улицу. Город тут же накинулся на него шёпотом: витрины отражали не прохожих, а их сны, фонари качались, будто пытались стряхнуть с себя чужие воспоминания, а из приоткрытого окна на втором этаже доносился голос, который говорил не слова, а обрывки фраз из чужих жизней: «...не открывай дверь...», «...я не это имел в виду...», «...прости, я забыл...».

Марк шёл быстро, но не потому, что торопился, а потому, что знал: если стоять на месте, сны начинают липнуть к тебе, как мокрый снег. А он уже носил достаточно чужих снов, чтобы понимать — свои и так тяжёлые.

Через три квартала он остановился у подъезда, где на домофоне не хватало двух кнопок, а на стене кто-то написал мелом: «Сны не возвращаются». Марк посмотрел на коробку. Она снова вздохнула, но теперь в этом вздохе слышалась усталость.

— Ладно, — сказал он. — Давай разбираться.

Он нажал кнопку с цифрой «1», хотя адреса не было. Дверь щёлкнула и открылась сама, будто ждала.

В подъезде пахло старыми письмами и одиночеством. Лифт не работал, и Марк пошёл по лестнице, прислушиваясь к тишине, которая здесь была не пустой, а наполненной — будто стены хранили все слова, которые когда-то прозвучали в этих квартирах, и теперь шептали их по ночам.

На площадке третьего этажа стояла женщина в длинном пальто. Она не смотрела на Марка, а смотрела мимо него, в темноту лестничного пролёта, будто видела там что-то, чего не видел никто другой. Когда она повернула голову, Марк заметил, что в её глазах отражается не свет лампочки, а мерцание чужих снов.

— Ты принёс? — спросила она, не здороваясь.

— Принёс, — ответил Марк, крепче прижимая коробку к себе. — Но адреса нет.

Женщина чуть наклонила голову, как птица, которая прислушивается к далёкому звуку.

— Адреса и не бывает, — сказала она. — Сны находят тех, кому они нужны. Или тех, кто больше всех боится их увидеть.

Коробка в его руках дрогнула.

— А если я не хочу их разносить? — вдруг спросил Марк, сам удивляясь, что произнёс это вслух.

Женщина улыбнулась, но улыбка вышла грустной, как отражение в мутной воде.

— Тогда они останутся с тобой, — просто сказала она. — И однажды ты проснёшься и поймёшь, что не знаешь, где заканчиваются твои сны и начинаются чужие.

Марк сглотнул. Он уже чувствовал это. С утра у него в голове крутился обрывок сна: маленькая девочка стоит у окна и ждёт кого-то, кто так и не приходит. Он не помнил эту девочку. Он вообще не любил детей. Но сон цеплялся за него, как колючка.

Женщина протянула руку к коробке, но не успела её коснуться. Из подъезда на первом этаже донёсся звук — не шаги, а будто кто-то провёл пальцем по стеклу, очень медленно, очень близко. И в этот момент коробка в руках Марка раскрылась.

Из неё вырвался свет — не яркий, а тусклый, как от старой лампы. Он не осветил подъезд, а сделал его прозрачным: на мгновение Марк увидел сквозь стены, сквозь двери, сквозь время — квартиры, в которых люди спали и видели сны, которые им не принадлежали. Он увидел девочку у окна. Он увидел себя, только моложе, стоящего на этом же месте и держащего другую коробку. Он увидел женщину в пальто, только тогда она была девочкой, и её глаза были полны страха.

А потом свет погас.

Коробка опустела.

— Он ушёл, — тихо сказала женщина. — Он нашёл своего человека.

Марк посмотрел на пустую коробку, потом на женщину.

— А кто был этот сон? — спросил он.

Она пожала плечами, но в её движении была не безразличность, а усталость.

— Иногда мы не знаем, кому принадлежит сон, пока не увидим, как он меняет человека.

И она ушла, растворившись в полумраке лестничного пролёта так тихо, будто её и не было.

Марк остался один. В подъезде снова пахло старыми письмами. Но теперь к этому запаху примешивался ещё один — запах чужого страха, который остался после сна.

Он посмотрел на пустую коробку и вдруг понял: сегодня он разнёс не чужой сон. Он разнёс свой собственный. Тот, который боялся признать. Тот, который прятал под курткой, как что-то постыдное.

И теперь этот сон ушёл. Но пустота, которую он оставил, была громче любого крика.

Глава 2. «Человек, который хотел, чтобы все спали спокойно»

На следующий день на почте появился мужчина в сером пальто — идеально отутюженным, будто его гладили не утюгом, а приказом. Он не кричал, не стучал кулаком по стойке, даже не повышал голос. Он просто стоял так, что все вокруг невольно начинали говорить тише.

— Меня зовут Виктор Львович, — сказал он, глядя не на сотрудницу, а прямо на Марка, будто заранее знал, кто тут делает самую странную работу. — Я представляю Управление по упорядочиванию сновидений. Нам известно, что вы доставляете сны нестандартным способом.

Марк чуть не рассмеялся. «Нестандартным способом» звучало так, будто он разносит их на роликах или в шляпе с пропеллером. Но он сдержался. В этом городе лучше не показывать, что тебя что-то веселит, — смех тут иногда звучал как признание вины.

— Я разношу то, что приносят, — спокойно ответил Марк. — Адреса нет — иду по ощущению. Сны сами выбирают, к кому идти.

Виктор Львович чуть наклонил голову. Его лицо было таким гладким, будто с него специально стёрли все лишние эмоции — как с фотографии перед публикацией в официальном отчёте.

— Именно это нас и беспокоит, — произнёс он. — Случайность — это хаос. А хаос в сфере сновидений ведёт к панике, бессоннице, росту тревожности в отдельных районах. Мы хотим навести порядок. Чтобы каждый сон доходил до своего адресата. Чтобы никто не видел лишнего.

— А что значит «лишнего»? — спросил Марк, и в этот момент ему вдруг стало холодно, хотя в отделении было душно от батарей и коробок. — Если человеку снится, что он падает — это лишнее? Если ему снится кто-то, кого он потерял, — это тоже надо отфильтровать?

— Мы не фильтруем чувства, — спокойно сказал Виктор Львович. — Мы фильтруем ошибки. Сны — это данные. Данные должны быть структурированы, классифицированы, доставлены по назначению. У нас есть алгоритмы, которые определяют, какой сон к кому относится, исходя из психоэмоционального профиля, частоты сердцебиения во сне, даже из того, какие книги человек читал в детстве.

Марк представил себе эти алгоритмы: холодные, блестящие, как лезвия, и режущие сны на куски, чтобы разложить по ячейкам.

— И что будет, если вы всё это упорядочите? — тихо спросил он.

— Город станет спокойнее, — без паузы ответил Виктор Львович. — Люди перестанут просыпаться в холодном поту. Перестанут видеть то, чего не было. Перестанут путать прошлое с настоящим.

«А что, если именно это и держит их на плаву?» — подумал Марк, но вслух не сказал. Он знал: такие люди не слышат вопросов, в которых уже есть ответ.

Виктор Львович положил на стойку тонкую папку. На ней не было названия, только номер.

— Мы предлагаем вам сотрудничество, — сказал он. — Вы будете получать у нас маршруты. Следовать им. Никаких «ощущений», никаких импровизаций. Только точные адреса. Взамен — стабильность, защита, социальные гарантии. И, конечно, прекращение любых проверок по факту несанкционированной доставки.

Марк посмотрел на папку, потом на женщину за стойкой. Та старательно делала вид, что протирает витрину, но её рука замерла на полпути, а глаза метались между Марком и Виктором Львовичем.

— А если я откажусь? — спросил Марк.

Виктор Львович не разозлился. Он даже не нахмурился. Он просто слегка поправил лацкан пальто, будто поправлял невидимую этикетку на самом мире.

— Тогда мы будем вынуждены признать вашу деятельность угрозой общественному порядку. И принять меры.

Он развернулся и вышел, оставив после себя тишину, которая была тяжелее любого крика.

Когда дверь за ним закрылась, женщина за стойкой наконец опустила тряпку.

— Не связывайся с ними, — прошептала она, оглядываясь, будто стены могли подслушивать. — Они уже поставили фильтры на три района. Теперь там люди видят одинаковые сны. Про офис. Про автобус. Про то, как они забывают ключи. Никаких кошмаров. Никаких откровений. Просто... пустота с расписанием.

Марк сжал кулаки, и ногти впились в ладони — ему нужно было почувствовать что-то настоящее, твёрдое, чтобы не поверить, будто всё это ему снится.

— Где мне найти тех, кто против них? — спросил он. — Тех, кто защищает право видеть сны.

Женщина посмотрела на него долго, будто проверяла, достоин ли он ответа. Потом кивнула в сторону задней двери, за которой хранились коробки, которые никто не хотел забирать.

— Спроси у старухи с рынка. Она знает всех, кто помнит, как город раньше разговаривал со снами.

Рынок жил своей жизнью — шумной, пахучей, настоящей. Здесь не пытались ничего упорядочить. Здесь яблоки лежали кучами, рыба смотрела стеклянными глазами, а старуха в вязаной кофте, которую, казалось, связали из самих сумерек, раскладывала на прилавке странные вещи: старые будильники, треснутые чашки, ключи, к которым уже не было замков.

Она подняла глаза на Марка и сразу будто увидела не его куртку и не ботинки, а то, что у него внутри шевелилось, как беспокойный сон.

— Ты от почты, — сказала она, не спрашивая. — И ты пришёл не за яблоками.

— Мне сказали, ты знаешь тех, кто защищает сны, — ответил Марк.

Старуха хмыкнула, взяла в руки будильник без стрелок и покрутила его, будто слушала, как внутри тикает время.

— Защищают не сны, — сказала она. — Защищают право их видеть. Право помнить во сне то, что днём заставляют забыть. У нас нет знамён и барабанов. У нас есть только привычка не отдавать то, что принадлежит людям.

— А кто «мы»? — спросил Марк.

Она посмотрела по сторонам, будто проверяя, не подслушивает ли ветер.

— Те, кто помнит, что сны — это не данные. Это голоса. Иногда тихие. Иногда страшные. Но если ты затыкаешь их алгоритмами, они начинают кричать наяву. Ты видел, что в районах с фильтрами люди стали чаще ссориться? Чаще забывать имена близких? Это потому, что сны не исчезают. Они просто ищут другой выход.

Марк вспомнил ту пустую коробку. Вспомнил, как свет сделал стены прозрачными. Вспомнил девочку у окна.

— Они хотят, чтобы я работал по их маршрутам, — сказал он. — Чтобы я перестал чувствовать, куда нести сон, и просто шёл по списку.

Старуха поставила будильник на прилавок. Он тихо щёлкнул, будто согласился с ней.

— Значит, они уже выбрали тебя, — сказала она. — Потому что ты чувствуешь. А они хотят, чтобы никто ничего не чувствовал.

Она протянула ему маленький ключ — потемневший, с зубцами, которые выглядели так, будто ими открывали не двери, а воспоминания.

— Завтра в полночь приходи к старому кинотеатру. Там будет тот, кто расскажет, как мы мешаем им всё упорядочить. Но будь осторожен: они следят не только за снами, но и за теми, кто их разносит.

Вечером Марк шёл по городу, и теперь он видел его иначе. Фонари казались ему камерами. Окна — экранами, на которых кто-то записывал чужие сны. Даже дождь, стекавший по козырькам, звенел, как сигнал передачи данных.

Он остановился у того самого подъезда, где вчера раскрылась коробка. На стене мелом всё ещё было написано: «Сны не возвращаются». Марк достал карандаш и дописал под фразой одно слово: «...но они находят дорогу».

В ту ночь он не спал. Он сидел у окна и смотрел, как город дышит — медленно, тяжело, будто ему было трудно удерживать все эти сны внутри. И когда часы пробили полночь, он вышел, чтобы дойти до старого кинотеатра и узнать, на чьей стороне ему теперь быть.

Глава 3. «Те, кто прячет сны в мелочах»

Старый кинотеатр «Рассвет» давно не показывал фильмы. Его выцветшая афиша обещала премьеру, которой не было уже лет десять, а буквы на ней будто сами по себе стирались по ночам — словно город не хотел помнить, что когда-то здесь собирались люди, чтобы смотреть чужие истории.

Марк пришёл ровно в полночь. Он не любил опаздывать, особенно когда опаздывать значило дать страху время придумать себе оправдание. У входа его ждал не человек, а тень, которая двигалась чуть иначе, чем положено тени: она не убегала от света фонаря, а будто примерялась к нему, как к старой одежде.

Тень шагнула вперёд и обрела очертания пожилого мужчины в потрёпанном пальто и с вязаным шарфом, который выглядел так, будто его связали из тишины.

— Ты тот, что с почты, — сказал мужчина, не спрашивая. — Тот, что чувствует, куда нести сон.

— Да, — коротко ответил Марк.

Мужчина кивнул, будто это всё, что ему нужно было знать.

— Меня зовут Борис. Я бывший ночной сторож. А теперь я тот, кто следит, чтобы сны не стали просто строчками в отчёте. Пойдём.

Он повёл Марка не в зал кинотеатра, а в подвал — туда, где пахло пылью, старой плёнкой и чем-то ещё, похожим на запах забытых обещаний. Вдоль стен стояли полки, заставленные вещами, которые обычно выбрасывают: треснутые чашки, будильники без стрелок, книги с вырванными страницами, пластинки с царапинами, ключи, к которым уже не было замков.

— Это не хлам, — тихо сказал Борис, заметив, как Марк покосился на полки. — Это хранилища. Мы прячем сны там, где алгоритмы не ищут. Они думают, что сны — это данные, которые можно считать по частоте пульса или по словам, сказанным перед сном. Но сны живут в мелочах. В том, как звенит чашка, если её поставить не туда. В том, как ключ царапает замок, будто хочет что-то рассказать. В том, как книга пахнет не типографской краской, а чьим-то старым вечером.

Марк вспомнил старуху с рынка и её будильник без стрелок.

— Как это работает? — спросил он.

Борис взял с полки старую книгу — толстый том с названием, почти стёртым от времени. Он открыл её и провёл пальцем по странице, не читая, а будто ощупывая буквы.

— Смотри, — прошептал он. — Вот этот абзац никто не читает. Его пропускают, потому что он скучный. Но именно в нём живёт один сон. Тот, где женщина стоит у окна и не может вспомнить лицо человека, которого ждёт. Мы вложили его сюда. Если кто-то случайно дочитает до этого места, сон проснётся и уйдёт в голову читателя. Алгоритмы не видят этого абзаца. Для них он — шум. Для нас — дверь.

Рядом на полке стояла потрёпанная гитара. Борис коснулся её деки, и она тихо загудела, словно вспомнила чью-то песню.

— А это — для тех снов, что любят музыку. Мы записываем их не нотами, а паузами между аккордами. Уличный музыкант может сыграть три ноты, сделать паузу, и в этой тишине поселится сон. Кто-то услышит его и вдруг вспомнит то, что давно забыл. Или наоборот — забудет то, что причиняет боль.

Марк посмотрел на полку с ключами.

— А ключи?

— Ключи открывают воспоминания, — спокойно ответил Борис. — Не двери, а прошлое. Есть ключ, который открывает сон о детстве. Есть тот, что открывает страх темноты. Мы не используем их, чтобы не разбудить лишнее. Мы храним. И передаём тем, кто готов услышать.

В этот момент из темноты появилась ещё одна фигура — молодая женщина с папкой, набитой нотами и вырезками из газет.

— Это Ася, — представил её Борис. — Она бывшая библиотекарь. Теперь она собирает сны в газетных заголовках. В тех строчках, которые все пробегают глазами, не замечая.

Ася кивнула Марку, не улыбаясь, но и не враждебно. В её взгляде была усталость человека, который слишком много раз объяснял, почему важно сохранять то, что другие считают мусором.

— Мы не против порядка, — тихо сказала она. — Мы против того, чтобы порядок убивал память. В районах, где Управление поставило фильтры, люди стали забывать имена своих бабушек. Забывать, как пахнет дождь в их дворе. Забывать, что им снилось в детстве. Это не спокойствие. Это пустота.

Марк вспомнил женщину в подъезде и её слова: «Сны не возвращаются». И свою дописанную фразу: «...но они находят дорогу».

— Что вы хотите от меня? — спросил он.

Борис посмотрел на него долго, будто взвешивал не слова, а саму готовность Марка остаться на этой стороне.

— Мы хотим, чтобы ты продолжал разносить сны. Но теперь ты будешь делать это не один. Мы дадим тебе места, где прятать сны, когда ты не можешь их доставить. Старые почтовые ящики, которые уже не используют. Пустые витрины магазинов. Скамейки, на которых никто не сидит днём, но на которых кто-то просыпается ночью от странного сна. Ты будешь оставлять сны там, где их найдут те, кому они нужны.

— А если Управление узнает? — спросил Марк.

Ася горько усмехнулась.

— Они уже знают. Просто пока не понимают, насколько нас много. Мы — бывшие библиотекари, ночные сторожа, старые почтальоны, уличные музыканты. Те, кто привык замечать мелочи. Те, кто помнит, что город — это не только улицы и дома. Это ещё и то, что между ними: шёпот, пауза, запах, тень.

Борис протянул Марку маленький футляр, похожий на коробочку для украшений. Внутри лежала стеклянная пластинка, тонкая, как лепесток, и на ней были вытравлены крошечные символы, которых Марк не понимал.

— Это маркер, — объяснил Борис. — Если ты оставишь сон в безопасном месте, коснись пластинки этим местом. Она запомнит. Мы сможем найти его, если понадобится. Но будь осторожен: Управление тоже ищет такие метки. Они уже научились считывать следы снов.

Марк сжал футляр в руке. Он был лёгким, но чувствовался в ладони как что-то очень важное.

В ту ночь Марк не разносил сны. Вместо этого он ходил по городу вместе с Асей и Борисом, учился видеть места, которые «любят» сны. Он узнал, что старые почтовые ящики с облупившейся краской — это почти тайные комнаты для памяти. Что пустые витрины отражают не улицу, а то, что люди хотели бы увидеть во сне. Что скамейки в тихих дворах — это ложа для чужих воспоминаний.

Когда начало светать, Ася остановилась у книжного лотка, где продавали старые журналы. Она вытащила один, с выцветшей обложкой, и показала Марку строчку в середине статьи о погоде: «...и казалось, что небо помнит все дожди, что когда-либо падали на этот город».

— Вот здесь, — прошептала она. — Здесь живёт сон о прощании. Тот, в котором никто не говорит «прощай», но всё равно расстаётся. Если кто-то прочитает эту строчку и на секунду задумается — сон уйдёт.

Марк кивнул. Он начинал понимать.

Но когда они разошлись, он почувствовал на себе чужой взгляд. Не враждебный, а расчётливый. Такой, каким смотрят на объект, который нужно классифицировать. Он обернулся, но улица была пуста. Только на стене мелом кто-то написал: «Они уже знают твой маршрут».

И Марк понял: Управление не просто знало, что он разносит сны. Оно знало, где он ходит. И теперь оно знало, с кем он говорит.

Глава 4. «Как город прячет сны в обычных вещах»

Марк шёл по городу, и теперь он видел его иначе. Не как набор улиц и домов, а как лабиринт тайников, где сны прятались в самых заурядных мелочах — так ловко, что алгоритмы Управления их не замечали. Борис и Ася учили его замечать то, на что никто не смотрит: трещину в асфальте, которая повторяет изгиб забытого сна; пуговицу, потерянную так давно, что она стала якорем для чьего-то воспоминания; запах чернил на старой газете, который вдруг становился дверью в чужой вечер.

Первым тайником, который Марк научился видеть, стали качели на пустынной детской площадке. Они скрипели — не просто ржавым железом, а будто вспоминали чей-то смех, чей-то страх, чей-то шёпот «не отпускай». Ася показала ему, как это работает: нужно было подойти, положить ладонь на холодную цепь и на секунду перестать думать о себе. Тогда скрип переставал быть шумом и становился ритмом сна — будто кто-то внутри металла отсчитывал удары сердца.

— В этих качелях живёт сон про прощание, — тихо сказала Ася. — Про то, как мальчик не хотел уходить с площадки, потому что знал: когда он уйдёт, всё станет другим. Мы не вытаскиваем его наружу. Мы просто позволяем ему звучать, когда кто-то садится и качается. И тогда человек вдруг вспоминает что-то своё — не из сна, а из жизни. И это уже не просто воспоминание. Это утешение.

Марк осторожно коснулся цепи. Скрип отозвался в груди, как эхо. Он не увидел картинки, не услышал слов — он почувствовал холод, который был не от металла, а от одиночества, и тепло, которое приходило следом, когда кто-то всё-таки оставался рядом.

Следующим тайником была старая пластинка в витрине закрытого музыкального магазина. Она лежала среди других, поцарапанных и никому не нужных, но эта была особенной: на её бороздках оседал не просто звук, а паузы. Борис объяснил:

— Алгоритмы считывают ноты, ритм, тембр. А мы прячем сны в паузах. В том, что между звуками. Вот здесь, — он провёл пальцем по тёмному винилу, — живёт сон про ожидание. Про то, как женщина сидит у телефона и боится, что он не зазвонит. Если кто-то поставит эту пластинку, он услышит музыку, но в каждой паузе будет слышать это ожидание. И, может быть, поймёт, что не один такой.

Марк смотрел на пластинку и вдруг заметил, что царапины на ней складываются в едва уловимый узор — как следы пальцев, которые когда-то её касались. Он представил, как кто-то крутит её в руках, надеясь, что звук прогонит тишину, и как тишина всё равно остаётся, только теперь она не пустая, а наполненная чьим-то дыханием.

Ещё одним тайником была газета в урне у остановки. Не вся, а одна страница, смятая и мокрая, с заметкой про погоду. Ася вытащила её, стряхнула капли и показала Марку строчку, которую никто не читал: «...и казалось, что небо помнит все дожди, что когда-либо падали на этот город».

— Здесь живёт сон про прощение, — сказала она. — Про то, как человек стоит под дождём и ждёт, что вода смоет обиду. Мы не пишем сны. Мы находим места, где они сами хотят остаться. И оставляем их там, где их могут случайно заметить.

Марк вдохнул запах сырой бумаги и чернил — и вдруг увидел не улицу, а тот самый дождь: капли, бьющиеся о подоконник, пар от чашки, дрожащие руки, которые пытаются удерживать что-то важное. Сон не вошёл в него, как фильм. Он лёг на кожу, как капли, и остался там, лёгкий и прохладный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.